

Он поднялся, с грохотом отшвырнул стул — «бам!» — и с «бух!» захлопнул дверь ванной. Уже почти конец ноября, вода из крана ледяная, пробирает до дрожи.

Цзян Хуай открыл кран и умылся холодной водой. Капли стекали с подбородка, по рукам побежали мурашки. Голова горела, распирало от смутных, сумбурных желаний, и образ Бо Цзяня, который он мельком увидел и тут же, казалось, запечатлел намертво, — каждая чёрточка, каждый уголок. Бо Цзянь... Твою ж мать.

Цзян Хуай стоял перед зеркалом. От воды волосы на висках намокли, повисли прядями, прилипли к щекам. Он снял резинку, открыл душ. Холодная вода мигом погасила то постыдное возбуждение, Цзян Хуай вздрогнул и сделал воду теплее.

Он мыл голову десять минут: вошёл в ванную в 9:40, вышел в 9:50 — председатель Бо, как и следовало ожидать, за десять минут не управился. «Такой дотошный человек, — рассеянно подумал он, — будет мыться чуть ли не до скончания веков».

Цзян Хуай пригладил пальцами наполовину высохшие волосы и вытащил лист белой бумаги. Бо Цзянь прав: зубрить в последний момент лучше сфокусированно — так по крайней мере не мечешься из стороны в сторону и не тратишь время впустую. Не мешает и расписание. В четверг и пятницу на следующей неделе — промежуточные экзамены, значит, нужен план с субботы по среду.

Цзян Хуай разгладил лист и набросал кривоватую таблицу. Если в пятницу вечером и в субботу утром повторять китайский, днём и вечером субботы — английский, в воскресенье... целый день математики, а в понедельник, вторник и среду — по одному предмету естественно-научного блока. Но если размазать поровну, времени не хватит, и в итоге, скорее всего, ни один предмет толком не повторишь.

Китайский и английский зубрёжкой не возьмёшь: максимум — выучить стихи, слова и фразы. База по математике слабая, за пару дней её не подтянешь: в десятом классе запустили, материала слишком много, за один-два дня одиннадцатого не нагнать. Быстрый результат дают только три предмета естественно-научного блока, особенно химия и биология. На промежуточном экзамене спрашивают материал этого полугодия, а там в основном темы-разделы — например, по физике, если не выучил гравитационное поле, это не мешает учить электромагнитное.

Цель на промежуточный — пятьсот баллов, значит, думать надо не о всестороннем развитии и совершенстве, а о том, как быстрее набрать баллы. Цзян Хуай долго крутил ручку, потом зачеркнул в таблице английский и математику. По китайскому ему поможет Бо Цзянь, это наверняка пригодится, но китайский за два-три дня не выучишь, так что на экзамене будь что будет. В итоге в плане от китайского осталось одно окошко — «пятница вечером», а с субботы по среду — сплошь физика, химия, биология. Цзян Хуай умел жертвовать.

Он перевернул план и придумал задачку из младшей школы: если маленькому Цзяну нужно получить на промежуточном экзамене 500 баллов, всего шесть предметов: три по 150 и три по 100, сколько в среднем надо набрать по каждому? Пусть эта доля будет x : $150 \cdot 3 \cdot x + 100 \cdot 3 \cdot x = 500$. Маленький Цзян подсчитал: x равен двум третям. Получается, по китайскому, математике и английскому нужно в среднем по 100,00, а по физике/химии/биологии — по 66,67. Маленький Цзян округлил до двух знаков и понял: дело дрянь. Он столько не наберёт. Сейчас он — круглый двоечник: по каждому предмету еле-еле перебивается, не добирая даже до проходного балла, а тут даже не просто проходной балл, а намного выше. Маленький Цзян не справится.

Когда Бо Цзянь высушил волосы, переоделся в халат и вернулся, он увидел, что Цзян Хуай сидит, уткнувшись в какие-то каракули, брови сведены до боли. Он задержал взгляд на волосах Цзян Хуая, убранных за уши:

— Ты тоже мылся?

Он впервые видел Цзян Хуая с распущенными волосами. Волосы недлинные, чуть ниже плеч, ещё влажные, аккуратно причёсанные, очень чёрные, отчего кожа казалась ещё бледнее.

Цзян Хуай, не поднимая головы:

— Не мылся, только голову помыл.

Бо Цзянь, незаметно разглядывая соседа по парте с распущенными волосами, спросил:

— Разбираешь ошибки?

Цзян Хуай наконец поднял голову, бесстрастно:

— Я не наберу.

— А?

— Я не наберу пятьсот, — сказал Цзян Хуай.

Маленький Цзян не наберёт пятьсот. Маленький Цзян максимум наберёт четыреста пятьдесят, как раз перешагнув порог, за которым начинаются проходные по шести предметам. Цзян Хуай с каменным лицом перевернул лист со своими расчётами, пряча концы в воду, и показал план на обороте.

Бо Цзянь опешил. Идея пятисот баллов сначала пришла ему в голову, но он тогда, как и сейчас, не думал, что Цзян Хуай воспримет его слова всерьёз.

— Просто постарайся как можешь, — сказал он.

Цзян Хуай крутил ручку, молча.

Бо Цзянь помолчал с полминуты и негромко усмехнулся:

— Не получится в этот раз — не страшно. В следующий раз ещё постарайся, когда-нибудь обязательно наберёшь.

Цзян Хуай по привычке собрался ответить «а», но вдруг опомнился:

— В следующий раз?

Бо Цзянь улыбнулся уголком губ:

— Да.

— Период метки всего неделя, откуда там следующий раз?

Председатель Бо помолчал секунд три-пять, с достоинством, и вежливо улыбнулся:

— Я бы не возражал против следующего раза.

Цзян Хуай:

— ...

Иди ты к чёрту со своим следующим разом.

Цзян Хуай при взгляде на эту физиономию председателя Бо окончательно потерял покой, мысли разбежались. Он встал, открутил бутылку и глотнул воды, без особых эмоций произнёс:

— Уже десять, я спать, отключай видео.

Бо Цзянь посмотрел на него некоторое время:

— А... тогда спокойной ночи.

Цзян Хуай ничего не ответил, наклонился, чтобы нажать «отключить».

— Погоди.

Цзян Хуай нахмурился:

— Что?

Бо Цзянь приподнялся, камера закачалась между кадыком и ключицей, Цзян Хуай отвёл взгляд.

— Я тоже лягу спать, — сказал Бо Цзянь. — Дождись, пока я лягу.

— ... Да сколько у тебя придури.

Полминуты спустя Цзян Хуай:

— Лёг? Я отключаю.

Бо Цзянь:

— Ещё минуточку.

Цзян Хуай:

— ...

Цзян Хуай спросил:

— Что ещё за придури?

Бо Цзянь, как ребёнок, похлопал подушку:

— Ты не пожелал мне спокойной ночи.

— ...

И почему-то Цзян Хуаю показалось, что они встречаются, такие липкие-прилипчивые, и Бо Цзянь без ума от него — дурацкое наваждение. Уши вспыхнули, загорелись.

— Никакого «спокойной ночи», — отрезал Цзян Хуай. — А вот «иди на хуй» — сколько угодно.

Бо Цзянь:

— ...

Цзян Хуай холодно нажал «отключить».

От автора: председатель недоволен.

В полпятого утра, когда ещё темно, в комнате хоть глаз выколи. Затрезвонил будильник. Цзян Хуай не имел привычки валяться в кровати: придавил будильник рукой, откинул одеяло, встал. Бросил будильник на кровать, сунул ноги в тапки и пошёл переодеваться. Щёлк — загорелся свет. Цзян Хуай небрежно отдёрнул штору наполовину: ночь ещё тихая, фонари мирно светят, изредка ветер дребезжит оконными рамами.

Цзян Хуай давно не жил по такому распорядку: вставал утром, спал ночью, если днём клонило в сон — ложился на часок, а утром не спал и вечером тоже. От ингибиторов типа С клонит в сон, но если выспишься днём, ночью — бессонница. День за днём — как в тумане.

Сегодня воскресенье, он встал на четыре часа раньше, чем вчера.

Этим утром Цзян Хуай собирался вернуться в Старый город, где жил в начальной школе, — «размяться». Особой любви к этому убогому, шумному месту он не питал: все воспоминания о Старом городе были вперемешку с тем, как посреди ночи стучатся в дверь незнакомые пьяные мужики, окна и двери грохочут, того гляди развалятся. Цзян Ли тогда было страшно, а Цзян Хуай — то ли был мал, то ли смел, но не боялся, только бесился на этих отбросов. Всё, что с этим связано, было плохим с начала, плохим в середине и плохим в конце; он даже зарезал там одного, но прожил в том месте много лет, там вырос и привык... Мест, где он обычно занимался паркурком, было немного: какие-то общественные парки, старый кампус Четвертой школы и Старый город. Раньше, пока они не переехали и жили рядом с Четвертой школой, он почти каждую неделю ездил в Старый город. Теперь переехали, стало далеко, а вчера... Цзян Хуай вдруг понял, что не возвращался туда очень и очень долго. Но не потому, что далеко, а из-за Бо Цзяня.

<http://bllate.org/book/18377/1766611>